

И. А. Полякова

<https://orcid.org/0000-0001-6809-5796>

✉ i-polyakova@rambler.ru

Балтийский федеральный университет
им. И. Канта (Россия, Калининград)

КУЛЬТУРНОЕ ОСВОЕНИЕ ЯНТАРЯ В РОССИИ В ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПРАВЛЕНИЯ АННЫ ИОАННОВНЫ

Аннотация. Рассматривается функционирование янтаря в российской культуре времени правления Анны Иоанновны (1730–1740) и впервые — отношение императрицы к данному процессу. Янтарь представлен как материал декоративно-прикладного искусства, предмет научных исследований и потенциальный объект коллекционирования. Анализ документов и литературы первой половины XVIII в. позволяет утверждать, что Анна Иоанновна разделяла интерес к янтарю, свойственный многим европейским аристократам того времени, а также принимала некоторые шаги в содействии формированию естественнонаучной коллекции янтаря Петербургской Кунсткамеры и исследованиям янтаря в Академии наук. Осуществлена реконструкция культурно-исторического контекста формирования коллекций янтаря в России первых десятилетий XVIII в. Деятельность ученых по формированию и научному описанию коллекций показана на примере проекта, представленного на рассмотрение Петербургской Академии наук А. П. Волинским и первой научно-популярной статьи о янтаре, написанной Г. В. Рихманом. В научный оборот вводится документ из фондов Российского государственного исторического архива, содержащий информацию о популярных типах янтарных предметов, включенных в повседневную жизнь общества: «Дело о краже из дома Анны Иоанновны янтарных вещей».

Ключевые слова: Россия XVIII в., культура, Анна Иоанновна, янтарь, архивный документ, исследование, коллекционирование, коллекция

Для цитирования: Полякова И. А. Культурное освоение янтаря в России в десятилетие правления Анны Иоанновны // Шаги/Steps. Т. 11. № 4. 2025. С. 282–301. EDN: TAOGCA.

Поступило 2 марта 2025 г.; принято 28 октября 2025 г.

I. A. Polyakova

<https://orcid.org/0000-0001-6809-5796>

✉ i-polyakova@rambler.ru

Immanuel Kant Baltic Federal University
(Russia, Kaliningrad)

ON THE CULTURAL DEVELOPMENT OF AMBER IN RUSSIA DURING THE REIGN OF ANNA IOANNOVNA

Abstract. This article explores the role of amber in Russian culture during the reign of Anna Ioannovna (1730–1740), as well as the empress's engagement in this process. Amber is presented as a material used in decorative art, an object of scientific research, and a potential collectible. An analysis of early to mid-18th century documents and publications suggests that Anna Ioannovna shared the interest in amber typical of many European aristocrats of that time; she also made some efforts to promote the development of the natural science amber collection at the Saint Petersburg Kunstkamera and of research into amber at the Academy of Sciences. The importance of archival documents for reconstructing the cultural and historical context of the formation of collections, identifying the sources and conditions of this process in the first decades of the 18th century in Russia, is justified. Special attention is paid to amber artworks that are typologically comparable with those now stored in Russian museum collections. The activities of scientists in the formation and scientific description of amber collections are shown using the example of a project submitted for consideration to the Saint Petersburg Academy of Sciences by A. P. Volynsky, and the first popular science article on amber written by G. V. Richman. A document from the collection of the Russian State Historical Archive, titled “On the theft of amber items from the house of Anna Ioannovna”, which contains information on popular types of amber objects included in everyday life of Russian society, is introduced into scholarly discourse.

Keywords: 18th century Russia, culture, Anna Ioannovna, amber, archival document, exploring, collecting, collection

To cite this article: Polyakova, I. A. (2025). On the cultural development of amber in Russia during the reign of Anna Ioannovna. *Shagi / Steps*, 11(4), 282–301. EDN: TAOGCA. (In Russian).

Received March 2, 2025; accepted October 29, 2025

Введение

Интерес к янтарю, имеющий многовековую историю, актуализируется в разных странах во второй половине XVII — первой половине XVIII в. Востребованность художественного янтаря европейскими кунсткамерами и включение янтарных произведений искусства в число дипломатических даров стимулировали развитие способов художественной обработки материала¹. Пограничный предмет исследований, находящийся на пересечении нескольких дисциплин, янтарь оказался в центре экспериментов и дискуссий Лондонского Королевского общества². В диссертациях того времени нашло отражение вовлечение янтаря в медицинские практики³, а популярная литература демонстрирует многообразие его использования в повседневной жизни⁴. В каталогах европейских коллекций янтарь представлен в нескольких своих ипостасях: как материал произведений искусства, объект минерального царства природы и «диловинка» — «куръезный» предмет кабинета редкостей⁵.

В России «чужой» материал не имел такого значения, как в Германии, Англии или Италии. Тем не менее здесь у него сложилась собственная история, которая в настоящее время еще недостаточно реконструирована и исследована.

Российские коллекции художественного янтаря XVII—XVIII вв., как и в других странах, составляют дипломатические дары. В царствование Михаила Федоровича (1596—1645; правил с 1613 по 1645 г.) янтарные

¹ О влиянии развития дипломатических контактов на художественную обработку янтаря см.: [Czihak 1899; Köhne 1882; Netzer 1993].

² Материалы дискуссий, в которых принимали участие такие известные ученые, как Роберт Бойль и Роберт Гук (Англия), Расмус и Томас Бартолины (Дания), Иоганн Шефер (Швеция), Ян Гевелий (Королевская Пруссия) и др., регулярно публиковались в выпусках журнала «Philosophical Transactions of the Royal Society» вместе с информацией о поступлении в репозиторий Общества коллекционных образцов янтаря [The philosophical transactions 1749: 473—494; Birch 1756—1757 (1): 298; (2): 226, 236—237, 361, 429; (3): 75, 153—154, 440—441; (4): 69—71, 109, 137, 312, 335—336, 403, 407, 409]. Большое значение имело участие в обсуждении темы одного из признанных авторитетов в области исследований янтаря, кёнигсбергского профессора медицины Филиппа Якоба Гартмана, члена Леопольдины и постоянного корреспондента Лондонского Королевского общества, выступавшего главным оппонентом Роберта Гука по вопросу о природе янтаря. Книга Гартмана о янтаре [Hartmann 1677] была наиболее востребованным источником на протяжении последних десятилетий XVII и всего XVIII в.

³ Среди известных работ см.: [Thilo 1663; Kemper 1682; Vest 1702; Hartmann 1710; Reimann 1714; Alberti 1739]. Инаугурационные диспуты свидетельствуют о том, что сведения о медицинском применении янтаря стали обязательным элементом и для диссертаций так называемого физико-исторического профиля, см.: [Thilo 1668; Schenck 1671; Sanden 1714; Ancher 1737].

⁴ Составителями статей в многочисленных сборниках рецептов и рекомендаций были как аптекари и врачи, так и авторы, далекие от медицинских профессий, например, графиня Кентская Элизабет Грей, чья книга выдержала более двадцати изданий [Lémery 1711: 50—51, 60, 67—68, 85—86, 100—101, 163, 294, 296; Grey 1726: 2, 13, 18, 20, 74—75, 77, 89—91, 96—98, 109; Kettily 1734: 106, 115—116, 161—163, 179, 239, 254—255, 271].

⁵ Из опубликованных каталогов см.: [Terzagio 1666: 56—61; Kircher 1678: 43—44; Merchati 1719: 87—90; Sendel 1742] и др.

подношения поступали к московскому двору из Пруссии⁶, иногда из Голландии и Швеции. Собрание изделий из янтаря в Оружейной палате значительно пополнилось в правление Алексея Михайловича (1629–1676) с 1645 по 1676 г. Интерес к янтарю проявлял Петр I (1672–1725), практиковавший наряду с другими своими ремесленными увлечениями художественную обработку камня⁷. Янтарные произведения искусства имелись у Елизаветы Петровны (1709–1762) и Екатерины II (1729–1796), на годы правления которых, соответственно с 1741 по 1762 г. и с 1762 по 1796 г., приходится мероприятия по обустройству «Янтарной каморы» (Янтарной комнаты). Имя Анны Иоанновны (1693–1740) в контексте данной темы практически не упоминается.

Оценки государственной и политической деятельности Анны Иоанновны долго находились под властью стереотипов⁸. Десятилетие ее правления историки XIX и начала XX в. характеризовали как «мрачную страницу» истории государства [Корсаков 1880: 59]. Современные исследователи с достаточным основанием относят подобные оценки к разряду мифологических и в значительной степени обусловленных «недоступностью или отсутствием системного анализа архивных документов органов политического сыска» [Черникова 2017: 215]. Историко-мифологические стереотипы проецировались и на вклад императрицы в развитие российской культуры. К примеру, характеризуя собирательскую деятельность и коллекционирование в России XVIII в. после Петра, минуя Анну Иоанновну, авторы обычно переходят к Елизавете Петровне как продолжательнице заложенной отцом традиции⁹.

Вопрос о культурном освоении янтаря в России в период царствования Анны Иоанновны (1730–1740) до сих пор не поднимался исследователями, и его рассмотрение составляет главную задачу настоящей статьи. Культурное освоение в данном случае понимается как комплексный интерес к материалу, проявляющийся в способах и формах его использования в повседневной жизни, искусстве и науке, а также в его включении в практики коллекционирования. Для реконструкции культурно-исторического контекста этого процесса большое значение имеют архивные документы, в том числе инвентари и каталоги, служащие не только источниками информации, но и свидетельствами определенных социокультурных ситуаций. Поводом для написания статьи стало знакомство с одним

⁶ Как из ее восточной части (Герцогской Пруссии, а с 1618 г. — Бранденбург-Пруссии), так и из западной, известной как польская, или Королевская, Пруссия.

⁷ Собственноручное изделие царя — янтарная фигурка Вакха с гроздьем винограда хранилась в токарной комнате Петровского кабинета [Беляев 1800: 129].

⁸ О стереотипах в оценке законодотворческой деятельности Анны Иоанновны см.: [Ельчанинова, Ельчанинов 2015].

⁹ На недостаточную изученность периода между правлениями Петра I и Елизаветы Петровны в целом указывает Н. Н. Петрухинцев, подчеркивая что «от изучения его внешней, бросающейся в глаза стороны нужно переходить к серьезному анализу “медленнотекущих” внутренних процессов, без которых невозможно понимание сути этой неброской эпохи» [Петрухинцев 2014: 9].

из таких документов 1730-х годов, озаглавленным «Дело о краже из дома Анны Иоанновны янтарных вещей» [Дело 1731–1734].

Дело о краже

Осенью 1730 г.¹⁰, когда панели прусского Янтарного кабинета еще лежали в людских покоях Летнего дворца, Анна Иоанновна отправила из Петербурга в свой московский дом сундук с янтарными вещами. Предметы упаковали недостаточно бережно, и по прибытии груза в Москву часть их нуждалась в починке. До передачи камер-цалмейстеру¹¹ опечатанный сундук оставили в одной из палат дома, развернув печатью к стене, чтобы ее случайно не повредили работавшие и проживавшие там мастера — столяры и плотники. Когда сундук открыли и стали сверять его содержимое с описью, обнаружилась недостача многих вещей (реестр приведен ниже).

В ходе расследования, длившегося с 22 марта 1731 г. по 26 сентября 1734 г., было установлено, что дворцовый столяр Михайло Васильев время от времени брал из сундука предметы и отдавал их для продажи «иноземцу» Осипу Темпу, прозванному Шведом¹². Столяр, возможно, был не первым и не единственным, кто заглядывал в сундук, так как утверждал, что «печать де была попорчена, только был один снурок, чем завязано» [Дело 1731–1734. Л. 8]¹³. Согласно показаниям допрошенных, хищение и реализация украденного происходили осенью 1730 г. Вещи предлагались в торговых рядах как «честные» в присутствии поручителей. Полная опись содержимого сундука не обнаружена. В реестр, составленный для расследования, вошли лишь недостающие предметы, а именно:

Ларчик ентарной с резными фигурами, с замком, в нем выклеена бархатом лазорчатый¹⁴; И с двух футляров по одному ящику янтарному, один — четверугольной, а другой — осми гранной; Подсвешник ентарной треугольной; Двои часы ентарные песочные; Пять ложечек ентарных маленьких; Четыре чашки ентарные; В оставших шкату[лах] в одной четырех шишечек нет, а в прочих восьми штучек нет, которые отклеились; Черен ентарной кортишной, другой поменьше с личиной. Две чарки с ручками ентарных; Шесть склянок резных стопками¹⁵ ентарных; 31 табакерка резная, в том числе одна коробочка осмигранная, на ней вырезан образ апостола Петра; все ентарные; На ножницы два футляра ентарных; Зеркало в рамах ентарных; Щотка ентарная; Сердечко и две табакерки ентарные, в том числе одна с фигур-

¹⁰ Согласно косвенным сведениям; точная дата не указана. Возведение жилой части Зимнего Анненгофа было завершено в октябре 1730 г.

¹¹ Камер-цалмейстер — чиновник, заведовавший дворцовой казной.

¹² Возможно, Телюп — в тексте неразборчиво; судя по прозвищу, выходец из Швеции [Дело 1731–1734. Л. 8–8 об.].

¹³ Здесь и далее в цитировании источников XVIII в. сохранена орфография оригинала.

¹⁴ Лазорчатый, также лазоревый, — светло-синий.

¹⁵ В тексте 3-я и 4-я буквы написаны неразборчиво.

ками; Чарка ентарная в оправе серебряной; Ларчик ентарной малой, которой был с штучками таро, что в карты играют; Два черенка ножевых ентарных [Дело 1731–1734. Л. 1 об.–2].

Табакерки, ларец, панагия и другие предметы коллекционирования

В реестре числятся 33 табакерки. Европейский обычай обмена табакерками прижился в России еще при Петре I: их неоднократно приобретали по поручению царя в разных европейских городах, использовали для подарков и обеспечения ставок в карточной игре [Письма 1964: 155; 1992: 119; Сборник выписок 1872: 12, 22, 64, 66, 164, 165].

Модные коробочки прочно вошли в обиход, став частью придворного этикета, средством общения и атрибутом человека, идущего в ногу со временем [Мельникова-Григорьева 2008: 19–21]. По их материалу, стоимости и декору судили о статусе обладателя. Янтарные не могли соперничать с наградными из золота или серебра, украшенными драгоценными камнями, жемчугом, перламутром или эмалевыми портретами дарителей. Однако в первые десятилетия XVIII в. янтарь все еще считался редким материалом вне стран его происхождения, и получить янтарную табакерку, особенно с искусной резьбой, было престижно.

Табакерки из янтаря упоминаются в описях имущества членов императорской семьи, придворных и других представителей российской знати первой трети XVIII в.: царевны Натальи Алексеевны (1673–1716) (опись 1717 г. № 600) [Опись 1901: 556], Екатерины I (опись 1727 г.) [Лифшиц и др. 2023: 46, 49, 63], брата фаворитки Петра I Анны Монс, Виллима Монса (опись 1723–1724 г.) [Семевский 1990: 321], сына А. Д. Меншикова Александра [Есипов 1861: 18] и дочери Марии [Успенский 1906: 157].

Анна Иоанновна следила за веяниями моды и, еще находясь в Курляндии, неоднократно отправляла табакерки в Петербург в качестве знаков внимания. Так, 1 ноября 1719 г. она пишет Екатерине I: «При сем, матушка моя дарагая, посылаю Вашему Величеству доскан ентарной, о каторам, свет мой, прошу милостива принять» [Письма 1862: 45]. *Досканом* в то время могли называть ящичек или ларец, но чаще — табакерку [СлРЯ XVIII в. (6): 226]. Также читаем в письме от 23 марта 1723 г. с поздравлением императрицы с днем рождения: «При сем послала я до Вашего Величества табокерку ентарную, о которой прошу, матушка моя Государыня, дарагая матушка-тетушка, милостива принять» [Письма 1862: 93]. В письме А. П. Бестужевой, статс-даме Екатерины I, от 15 апреля 1727 г. Анна Иоанновна интересуется, понравилась ли императрице присланная ей табакерка (материал не указан) [Там же: 148]. Уже будучи императрицей сама, 22 января 1732 г. она шлет аналогичный презент обер-гофмейстеру С. А. Салтыкову: «О себе вам объявляю в добром здоровье и посылаю к вам табакерку, носите здорово» [Книга записная 1878: 2], и также 21 апреля 1734 г. к именинам Салтыкова: «...посылаю вам на именины свою табакерку, носи на здоровье» [Там же: 118].

Табакерки производили в нескольких европейских странах, а также в России приглашенные и местные мастера. Швейцарский ювелир Жереми Позье (1716–1779), занимавшийся изготовлением табакерок и начавший работать в России при Анне Иоанновне, в своих воспоминаниях об одном из визитов к императрице в числе особенно понравившихся ей из привезенных вещей называет «табакерки во вкусе, еще неизвестном в России» [Позье 1870: 74].

Янтарные табакерки из сундука императрицы числом превосходят собрания аналогичных предметов в европейских коллекциях XVIII в. Возможно, они предназначались для подарков или для украшения кабинета. Об их происхождении и художественном оформлении ничего не известно.

Анна Иоанновна держала в поле зрения процессы конфискации у опальных аристократов драгоценностей, документов и мемориальных вещей царской семьи. Иногда ее внимание привлекали и просто интересные или модные предметы. Так, одну из табакерок — «янтарная, шалнер золотой»¹⁶ — 4 марта 1730 г. она отобрала для своего кабинета из конфискованных вещей дочери князя Меншикова Марии Александровны [Есипов 1861: 20; Успенский 1906: 157]. В том же году табакерку и еще несколько изделий из янтаря доставили в Москву [Есипов 1861: 20, 32–35]. В другом реестре конфискованного у Меншиковых имущества (1732) значится «рожечик янтарной с личиной резной» [Жаркова 2013: 170]. Рожковые табакерки из янтаря встречаются нечасто; обычно материалом корпуса служила кость (рог), а янтарь применяли для изготовления крышек и отделки¹⁷.

Судя по тому, что столяр Мастерской палаты извлек из сундука такое количество табакерок, предмет был ему знаком. Однако в народной среде табакерки, особенно из так называемых экзотических материалов, не пользовались значительным спросом. «Дело о краже» свидетельствует об ином отношении к модным вещам в разнородных по своему социальному составу торговых рядах, чем при дворе или в кругах петербургской и московской знати. Так, допрошенный по делу «купецкой человек» Егор Красильников, торговавший в серебряном ряду в наемной лавке, показал, что осенью купил пять янтарных табакерок с резьбой [Дело 1731–1734. Л. 2 об.]. Продавца и поручителя он знал только в лицо, поэтому не мог сообщить их имен. Товар не был востребован в течение нескольких месяцев, что можно расценивать как свидетельство отсутствия спроса. Во время следствия четыре табакерки все еще оставались в лавке, лишь одна была продана за пять рублей секретарю вотчинной коллегии Ивану Смирному (денег к тому времени Красильников еще не получил). Судить об

¹⁶ Табакерка с откидывающейся крышкой, закрепленной на золотом шарнире.

¹⁷ В российских коллекциях рожковые янтарные табакерки известны в двух экземплярах; оба находятся в Государственном музее-заповеднике (ГМЗ) «Царское Село», инв. № ЕД-40-VI и ЕД-41-VI. Типологически сопоставима с описанной в реестре табакерка с изображением аллегии справедливости (Юстиции), инв. № ЕД-40-VI.

адекватности цены в данном случае сложно, так как детали оформления табакерки неизвестны.

Еще пять табакерок с резьбой фигурируют в протоколе допроса купца Федора Снурошникова, торговавшего на Неглинной железом. Он приобрел их за поразительно низкую цену — сорок полушек¹⁸ у солдата Василия Юдина на Воскресенском мосту [Дело 1731–1734. Л. 7]. Поскольку интересовавшиеся табакерками купцы предлагали по полтине, Федор придержал товар, чтобы разузнать, какова же его действительная цена. Купец Иван Васильев взялся продать все табакерки за пять рублей, отдав спустя полтора месяца Федору четыре рубля 10 копеек (одна табакерка была разбита). Так или иначе, большинство украденных табакерок удалось реализовать: в итоге «едва сыскали» 10 вместо 33, числящихся по описи [Там же. Л. 16 об.]¹⁹.

Второй популярный тип янтарных предметов — шкатулки, или ларцы (наименования различны в зависимости от формы и размера), часто встречаются в числе дипломатических подарков. Согласно реестру, в сундуке было несколько шкатулок: одна, названная «ларчиком»; две, обозначенные как «ящики, упакованные в футляры»; и еще девять, детали оформления которых, кроме отсутствующих на одной из них четырех шишечек, не сообщаются [Дело 1731–1734. Л. 1 об.]²⁰.

О пропавшем янтарном ларце известно, что он был с замком, украшен резными фигурами, внутри выстлан лазорчатым бархатом и также передан столяром упомянутому выше Осипу Шведу [Дело 1731–1734. 8 об.], который сбывал янтарные вещи в Немецкой слободе иноземцам. Последнего безуспешно разыскивали по всей Москве, а похожий по описанию ларчик обнаружили у капрала лейб-гвардии Преображенского полка князя А. П. Барятинского [Там же. Л. 14–15]. Ларец был оклеен внутри не лазорчатым, а красным бархатом, тем не менее его обладатель попал под подозрение. Как выяснилось, князь приобрел ларчик у иностранца Логина Мизера, которому, в свою очередь, передал предмет для продажи садовник императрицы Денис Брокет²¹, француз, состоявший на русской службе с 1715 г. и служивший придворным садовником еще у Петра I и Екатерины I.

История с ларцом иллюстрирует бытование художественного янтаря в иной социальной среде московского общества, представители которой включали в свою повседневную жизнь янтарные вещи достаточно сложные в исполнении и, соответственно, более дорогие. «Чернильница янтарная с песошницею, четвертинка янтарная, две ложечки янтарных,

¹⁸ *Полушка* — монета суммой в четверть копейки [СлРЯ XVIII в. (21): 210].

¹⁹ В настоящее время в коллекции ГМЗ «Царское Село» насчитывается около десятка янтарных табакерок работы XVIII в.; примерно столько же — в собрании Государственного Эрмитажа.

²⁰ «В оставших шкатулах в одной четырех шишечек нет, а в прочих восьми штукечек нет, которые отклеились». «Восьми» может относиться как к *шкатулам*, так и к *штучкам*; в последнем случае количество оставшихся в сундуке шкатулок неизвестно.

²¹ В тексте — *Бракет* (фр. *Broquette*).

ножичек янтарный» внесены статским советником А. Т. Савеловым, выдававшим дочь замуж за поручика князя А. С. Сонцова-Засекина, в состав приданого (рядная запись от 7 июля 1730 г.) [Савваитов 1865: 338]. Князь А. Д. Кантемир (1709–1744), приобретший в 1732 г. в Гданьске янтарные подсвечники, писал, отправляя посылку сестре:

В том же сундуке находятся четыре маленьких ящичка с двумя янтарными подсвечниками, самыми лучшими из найденных мною здесь, которые возьмите для стола на память обо мне. Смотрите, чтобы при вскрытии они не разбились, так как это очень мелкая работа [Шимко 1891: 76].

К числу коллекционных относятся также рукояти: два янтарных «кортишных черена» и два «ножевых черенка». О том, что предметы данного типа и в России обретали музейный статус, свидетельствуют каталог янтаря Петербургской Кунсткамеры, составленный М. В. Ломоносовым, где значатся 37 рукоятей, вырезанных из «разного рода янтарей» [Ломоносов 1954: 233–241], а также отдельный реестр «чаркам, сулеечкам и черенам янтарным» среди описей приема и отпуска вещей из Мастерской и Оружейной Палаты за 1775–1801 гг. [Успенский 1906: 172].

Отдельные экземпляры из списка украденных единичны в мировых коллекциях. К их числу можно отнести песочные часы (в реестре два экземпляра)²², зеркало в янтарной раме²³. Заслуживают внимания упомянутые в описи сосуды: резные скляночки, чарки, чашка. Судя по наименованиям, это могли быть работы местных мастеров, осваивавших в начале XVIII в. материал, поставляемый из Пруссии.

Пожалуй, самый необычный янтарный предмет, связанный с именем Анны Иоанновны, — панагия, подаренная ею в декабре 1734 г. духовнику, архимандриту Варлааму (Высоцкому) (1665–1737). Панагия, выполненная из янтаря и серебра, заключена в оправу в форме геральдического щита польского типа²⁴ и украшена бриллиантами²⁵. Неизвестно, была ли она заказана специально, приобретена уже готовой либо переделана из другой вещи. Янтарные детали показывают принадлежность мастера к прусской традиции художественной обработки янтаря: резная костяная пластина в центре подложена под выпуклую чечевицу когда-то прозрачного красно-оранжевого камня; на внутренней стороне другой аналогичной вставки на обороте панагии золотом выгравирована надпись на немецком: «Кровь Иисуса Христа, Сына Божия, очищает нас от всякого

²² В России аналогичный экспонат имеется только в собрании ГМЗ «Царское Село», инв. № ЕД-33-VI.

²³ Единственный экземпляр в России — в коллекции Эрмитажа, инв. № ЭРТх-2344.

²⁴ Определение П. А. Флоренского [1923: 233].

²⁵ В настоящее время хранится в Сергиево-Посадском государственном историко-художественном музее-заповеднике; инв. № 1813 ихх [Шитова 2023: 26].

греха. 1 Иоан. [1:7]»²⁶. Форма оправы в стиле Людовика XV, гравировка на золотой пластине, огранка бриллиантов указывают на связь с французской школой ювелирного искусства.

Подробное описание панагии составлено П. А. Флоренским (1882–1937), исполнявшим в 1918–1920 гг. должность ученого секретаря Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры [Флоренский 1923: 232–234]. Изображения Тайной вечери в центре (в настоящее время не просматривается через окислившийся слой янтаря [Шитова 2023: 27]) и Воскресения Христова в нижней части панагии, по мнению Флоренского, трактованы «в духе немецкого барокко» [Там же: 232].

Янтарь в Академии наук и Петербургской Кунсткамере

В литературе отмечается, что Анна Иоанновна «не стремилась к полноте коллекции раритетов, но во время ее правления значительно обогатилось собрание драгоценностей» [Костюк 2017: 68]. Тем не менее следует отметить и те действия императрицы, которые свидетельствуют об обратном. В их числе распоряжения о передаче в Кунсткамеру образцов минералов и руд, чучел птиц, животных и анатомических экспонатов «для курьезите» и исследований, этнографических и археологических предметов, произведений искусства [Хартанович и др. 2014: 86, 89, 90, 93, 104–106, 107, 110, 127; Ливен 1902: 21], токарных станков, слесарных машин, инструментов и собственноручных токарных работ Петра I [Хартанович и др. 2014: 105], Указы о покупке монет и медалей, об обустройстве помещений и проведении ремонтных работ в Библиотеке Академии наук и Кунсткамере [Там же: 82, 104, 122–125; Ливен 1902: 16]. В начале 1730-х началась работа по созданию акварельных рисунков лучших экспонатов Кунсткамеры.

Представление о коллекции янтаря Академии наук рассматриваемого десятилетия можно составить по каталогу М. В. Ломоносова 1741 г.²⁷: собрание насчитывало более тысячи единиц. Кроме натуральных образцов и многочисленных заготовок для изделий оно включало и художественные предметы²⁸. Пожаром в Кунсткамере 5 декабря 1747 г. были уничтожены многие ценные экспонаты, в том числе, вероятно, и из числа входивших в янтарную коллекцию.

Малоизвестный факт, связывающий имя Анны Иоанновны с формированием естественнонаучной коллекции янтаря Петербургской Акаде-

²⁶ DAS BLVT / IESV. CHRISTI DES. SOHNES. / GOTTES MACHET VNS / REIN-VON / ALL'ER SVNDE / 1 IOHAN. [Флоренский 1923: 232–233].

²⁷ Опубликовано на латыни в 1745 г.; см. Catalogus mineralium [Musei 1745: 49–58]. Русскоязычная версия: [Ломоносов 1954: 233–241].

²⁸ В их числе различные коробочки, чернильницы, кубок, фигурки, резные рукояти и др. Из необычных — заключенный в янтарь микроскоп и янтарный гидростатический цилиндр [Ломоносов 1954: 233–241].

мии наук, — ее содействие приобретению янтарного кабинета²⁹, принадлежавшего профессорам Кёнигсбергского университета Филиппу Якобу (1648–1707) и Мельхиору Филиппу (1685–1765) Гартманам. Красивый обустроенный кабинет — *Electrophylacium* (букв. «Собрание янтаря») — более 40 лет пополнялся не только дорогими произведениями искусства, но и многочисленными натуральными образцами. В 36 легких выдвижных ящичках располагались куски янтаря, демонстрирующие его происхождение, природу, свойства, цветовую гамму, формы и разнообразие включений [*Conspectus* 1750]. По меркам Пруссии коллекция в 1000 экземпляров считалась не очень крупной, но все ее составляющие были тщательнейшим образом отобраны. В России о кабинете стало известно от И. Д. Шумахера (1690–1761), библиотекаря и «надсмотрителя Кунсткамеры», который во время поездки в Европу в феврале 1721 г. по заданию Петра осматривал известные музеи и коллекции. В отчете о заграничном путешествии Шумахер писал:

В Королевце имеет молодой доктор Гартман умершаго отца своего кабинет, который почитать надлежит, понеже в оном начально всякия статьи янтаря обретаются, вторично — происхождение их аккуратно видеть можно [Пекарский 1862: 546].

Доклад Шумахера был принят к сведению, и между 1722 и 1738 гг. велись переговоры о покупке кабинета, сначала от имени Петра I, затем — Анны Иоанновны при посредничестве академика Петербургской Академии наук, уроженца Кёнигсберга Г. З. Байера (1694–1738)³⁰. Однако Гартман-младший в те годы не был готов расстаться с коллекцией. Он продал ее позже, в 1750-е, в Англию, и дальнейшая судьба янтарного кабинета неизвестна. Обсуждая стоимость собрания с писателем и литературным критиком И. К. Готтшедом, 23 сентября 1745 г. Гартман писал:

Что от его императорского величества Петра I, высокославного и достойнейшего памяти, мне было предложено 1000 дукатов, можно подтвердить письмом. И что по приказу ее императорского величества Анны [Иоанновны] по получении [коллекции] мне должно было быть выплачено 1600 талеров, подтверждается в письмах, а именно корреспонденцией покойного [господина] профессора Байера [Gottsched 2016: 577–578].

Переписка о пополнении собрания велась также с ученым и владельцем собственного музея в Гданьске, ботаником и доктором медицины И. Ф. Брейном (1680–1764). На одном из заседаний Академии наук

²⁹ В данном случае имеется в виду тип коллекции янтаря, организация которой предполагала включение как натуралий, так и произведений искусства, иными словами, демонстрацию всех возможных форм янтаря: от его происхождения — до художественной обработки, размещенной в специальном шкафу-кабинете с выдвижными ящичками.

³⁰ В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранилось одно из писем М. Ф. Гартмана Байеру от 18 февраля 1736 г. [Гартман — Байеру 1738. Л. 136–137 об.].

3 марта 1735 г. конференц-секретарь Х. фон Гольдбах «прочел письмо И. Ф. Брейна из Данцига о коллекциях по естественной истории. Решено просить у него образцы янтаря и ряда минералов, ему же послать “голову медузы”...» [Хартанович и др. 2014: 103].

Десятилетие правления Анны Иоанновны отмечено организацией научных экспедиций, в ходе которых поднимались в том числе и вопросы о добыче и исследовании янтаря в России, а также публикацией первой научно-популярной статьи о янтаре.

Указом кабинета-министров императрицы от 14 марта 1738 г. группа для поиска янтаря была отправлена к Межигорскому монастырю, располагавшемуся неподалеку от Киева. Этому предшествовало донесение кабинет-министра А. П. Волынского о найденном в 1737 г. в указанной местности янтаре с отправкой нескольких кусков ко двору [Материалы 1885–1900 (3): 756]. В 1738-м последовал еще один указ киевскому губернатору продолжать поиски и прислать ко двору крупные образцы [Бумаги 1905: 188]. Большие куски янтаря сами по себе служили экспонатами кабинетов натуралий и кунсткамер, а также материалом для вырезания или вытачивания на станке крупных цельных изделий. В том же году губернатор прислал несколько кусков янтаря, как мелкого, так и величиною «более яйца», которые были препровождены в Академию наук для исследования [Материалы 1885–1900 (3): 756].

В июле 1738 г. А. П. Волынский представил Академии проект описания образцов янтаря из коллекции Кунсткамеры, озаглавленный «Примечания о янтаре» [Материалы 1885–1900 (3): 756–757]³¹. Структура документа соответствует общепринятой в европейских изданиях, восходящей к «Естественной истории» Плиния Старшего. В первой части планировалось изложить мнения о янтаре древних и современных авторов, привести наименования на разных языках и в итоге «предложить дефиницию, которая б показывала, что есть прямой ентарь и по чему можно оный узнать и различить от других вещей, а особливо от произведенного искусственного янтаря, како их делают китайцы. Еще ж можно описать и все различные онаго роды и свойства, как например, что он привлекает к себе разные легкие вещи, что иногда находятся в нем всякие насекомые, рыбы, частицы трав и проч.» [Там же: 757]. Вторую часть предполагалось посвятить месторождениям янтаря и способам его добычи, в третьей — показать состав минерала и определить его место в ряду ископаемых. Подчеркивалось значение химического эксперимента в установлении подлинности янтаря, а также актуальность объяснения наличия в нем инклюзов. Четвертую часть Волынский предполагал посвятить описанию пользы янтаря в медицине и употреблению его в быту. Также он предложил поместить в каталог сведения о Янтарной комнате. Предложение заслуживает вни-

³¹ Эта сторона деятельности Волынского до сих пор не получила оценки и требует дальнейшего исследования. В публикациях последних десятилетий [Петрухинцев 2014: 963–987] представлен обстоятельный свод архивных источников по «делу Волынского», требующих проработки и в аспекте темы настоящей статьи.

мания, так как считается, что до воцарения Елизаветы Петровны о существовании Янтарной комнаты в России не вспоминали.

Развернутые ответы на поставленные А. П. Вольтером вопросы появляются в 1750-е годы в работах М. В. Ломоносова, но впервые изложить их в общедоступной форме было поручено Г. В. Рихману (1711–1753), в то время студенту Академии по классу физики, а позднее действительно члену Академии наук и художеств. Первая научно-популярная статья «О янтаре» на русском языке была опубликована в мае 1739 г. в «Примечаниях» к газете «Санкт-Петербургские ведомости» [Рихман 1739: 149–164]³².

Статья демонстрирует знакомство Рихмана с зарубежными работами, в частности, упомянутого выше Ф. Я. Гартмана и Ф. Гофмана и, очевидно, с проектом Вольтерского. Рассуждения автора о химическом составе янтара находятся в рамках минералогической концепции Г. Агриколы, главные идеи которой и в XVIII в. поддерживались многими европейскими учеными:

Янтарь есть не что иное, как чистое каменное масло, которое от железной или купоросной кислоты стуселло, и смешавшись с несколькими земляными частицами помалу как в земле, так и в море твердость свою получило <...> Вероятно кажется, что желтой янтарной цвет происходит от тучных и серных частиц, а белой от морской соли [Рихман 1739: 160].

Под «каменным маслом»³³ в более ранних источниках понимали нефть, но в начале XVIII в. — чаще масло, выделяемое квасцовым сланцем и содержащее соляную и купоросную кислоты.

В отличие от большинства зарубежных авторов, Рихман, признавая в целом лечебные свойства янтара и представляя читателю его производные — масло, соль, настойку, — вкладывает в свои комментарии определенную долю скепсиса. Так, он пишет:

Янтарь и в лекарствах не последнее место имеет; но сие не к одному только попечению искусных докторов, да иногда и к самому случаю причитать должно. Его дают как внутрь тела, так и снаружи употребляют. В последнем случае носят его одни, нашив на нитку, на шее, а другие сердечками и крестиками, в такой надежде, будто он весь яд в себя вбирает. Такое мнение

³² Полное имя автора в публикации не указано и лишь обозначено буквой «Р». В докладах Академии 1739 г. Рихману приписаны две статьи — о янтаре и о постепенных изменениях поверхности Земли, опубликованные в разных выпусках «Примечаний» в том же году, — с оговоркой: «...автором которых вполне может быть г-н Рихман» (von welchen wohl herr Richmann der verfassers seyn mag) [Материалы 1885–1900 (6): 494]. Модальность сообщения свидетельствует, что янтарь все еще оставался на периферии научных дискуссий. Авторство Рихмана подтверждено дальнейшими библиографическими описаниями.

³³ Позднее вслед за М. В. Ломоносовым термин применяли для обозначения одной из разновидностей жидкой минеральной смолы.

произошло, без сомнения, оттого, что он к себе другия легкия тела притягивает. Но сие не один только янтарь делает, но многия другия тела, которыя наперед надобно много обо что-нибудь тереть; а когда они висят на шее, тогда ни обо что не трутся и следовательно ничего к себе притягать не могут. При сем можно бы еще и о том спросить, для чего притягают они только ядовитыя материи, а и не те, которые яду противны [Рихман 1739: 163].

Изложив распространенное мнение о лечебном воздействии запаха дыма, исходящего от воскуренного на углях янтаря, Рихман замечает: «Однако ж мы оставляем сие на рассуждение читателя, сколько во всем том на янтарь надеяться можно» [Там же: 164].

Вслед за Волынским Рихман упоминает о важности Янтарной комнаты как произведения искусства и как дипломатического подарка.

Заключение

По завершении следствия (1734) собранные предметы были отосланы в гоф-интендантскую контору [Дело 1731–1734. Л. 15], учрежденную императрицей в 1733 г. и располагавшуюся в Петербурге, куда еще раньше, в 1732-м, переехал двор. Сопоставление реестра возвращенных вещей с более поздними описями предметов из Царского Села позволяет установить некоторые типологические соответствия. Так, среди янтарных вещей, принятых подмастерьем Рогенбукком от Камер-цалмейстерской конторы для починки в 1765 г. [Дело 1765. Л. 1 об.—6 об.], значатся две шкатулочки, оклеенные внутри «лазоревым» бархатом, песочные часы, «шандалец ентарной троегранной»³⁴, четыре ложечки, чарочка, три зеркала с оклеенными янтарем рамами, «девять коробочек ентарных кругленьких»³⁵. Хотя аналогичные экземпляры находились в сундуке из дома Анны Иоанновны, скудость описаний в обоих реестрах не позволяет судить об их идентичности.

Архивный документ, рассматриваемый в настоящей статье, — свидетельство масштаба собрания художественного янтаря, находившегося в Петербурге в первой трети XVIII в. Неизвестно, сколько всего предметов было в сундуке: с учетом украденных и упомянутых из оставшихся получается более 70; в их числе как распространенные, так и достаточно редкие. Не каждая крупная европейская кунсткамера того времени могла позволить себе художественный янтарь в таком объеме и разнообразии. С полным основанием можно говорить о существовании уже на данном этапе обширного собрания художественного янтаря императорской фамилии, предметы которого позднее экспонировались в витринах Янтарной комнаты.

Интерес императрицы к янтарным произведениям искусства — потенциальным предметам коллекционирования, равно как и ее содействие ис-

³⁴ В реестре украденных вещей — «подсвешник ентарной треугольной».

³⁵ Так могли называться табакерки.

следованиям янтаря и пополнению коллекции Академии наук натуральными образцами, очевиден. Не исключено наличие у нее и собственных янтарных вещей, а также связей по их заказу и приобретению: свекровь Анны Иоанновны Елизавета София Бранденбургская (1674–1748), с которой императрица поддерживала отношения и находясь в России, приходилась дочерью покровителю янтарного искусства курфюрсту Бранденбурга Фридриху Вильгельму I (1620–1688). На многие вопросы еще предстоит ответить. «Царствование Анны Иоанновны, несмотря на наметившиеся в последние десятилетия серьезные сдвиги в его осмыслении, все еще во многом остается если не “белым”, то уж по меньшей мере “серым” пятном в нашей картине российского исторического процесса в XVIII столетии» [Петрухинцев 2014: 9]. Соглашаясь с данным утверждением, приходится признать наличие «белых пятен» и в истории культурного освоения янтаря в России 1730-х годов.

Не принадлежа к категории долговечных предметов, янтарь, тем не менее, обретал свое место в частных домах, кабинетах аристократов, дворцах и публичном музее³⁶. Вне стен Кунсткамеры это было преимущественно стихийное собирательство, позднее ставшее базой для систематического коллекционирования. Кроме собирателей были и те, кто включал янтарь в свою повседневную жизнь, просто следуя моде, как в случае с табакерками — увлечением, разделяемым широким кругом просвещенных аристократов в России и за рубежом. Если «драгоценные предметы служили «конкретными манифестациями благосостояния» [Pomian 1990: 5], то изготовленные из экзотических материалов — признаком просвещенности и широты интересов их обладателей. Похоже, Анна Иоанновна относилась к последней категории интересующихся янтарем, а вещи из сундука предназначались для украшения кабинета императрицы или других помещений новой резиденции.

Функционирование янтаря в культурной жизни российского общества XVIII в. составляет тему дальнейших исследований, для раскрытия которой необходим учет документальных свидетельств перемещения предметов, находившихся в распоряжении императорского двора и в частных руках, рассредоточенных в разных архивных фондах. Так, до сих пор не обнаружены списки вещей, перевезенных Петром I из Оружейной палаты для Петербургской Кунсткамеры в 1714 г.; мало известно о содержании янтарного кабинета из кунсткамеры императора Петра III (1728–1762) в Ораниенбауме [Мыльников и др. 2000: 43; Хартанович и др. 2014: 645], а также о провенансе дошедших до нашего времени янтарных произведений искусства из собраний ГМЗ «Царское Село», Музеев Московского

³⁶ Однако, как показывает исследование документов комиссий по описанию имущества высшего слоя дворян 1730–1740 гг., проведенное Ю. А. Тихоновым, янтарные предметы в домах петербургской и московской знати встречались гораздо реже, чем изготовленные из других материалов, включая хрусталь, фарфор, черепаховый панцирь. Их виды преимущественно отмечены в разряде посуды: «ложка, рассольник, тарелка, фляжечка, чарка» [Тихонов 2008: 289].

Кремля и Эрмитажа. Поэтому каждый документированный эпизод важен как новый штрих к общей картине.

Анализ документа, потребовавший привлечения широкого круга источников, позволил представить десятилетие правления Анны Иоанновны как этап истории культурного освоения янтаря в России и обозначить его как время формирования совокупной «протоколлекции» императорской фамилии, а также Академии наук, объединившей натуральные образцы и предметы искусства, вошедшие впоследствии в российские музейные собрания. По крайней мере мы можем отметить конкретные шаги, предпринятые в данном направлении.

Источники

Архивные

Дело 1731–1734 — Дело о краже из дома Анны Иоанновны янтарных вещей // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. 1731–1734. Д. 984.

Дело 1765 — Царскосельское Дворцовое управление. Контора строений Царского Села. Дело о присылке янтарных вещей для починки из ведомства камер-цалмейстерской конторы в Царское Село // РГИА. Ф. 487. Оп. 13. 1765. Д. 60. Л. 1 об. — 6 об.

Гартман — Байеру 1738 — Гартман М. Ф. Письмо Г. З. Байеру // СПбФ АРАН. Ф. 784. Оп. 2. Д. 5. Л. 136–137 об.

Опубликованные

Беляев 1800 — *Беляев О.* Кабинет Петра Великого ... Отд. 1. СПб.: Имп. Тип., 1800.

Бумаги 1905 — Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740 г. / Собр. и изд. под ред. А. Н. Филиппова. Т. 7: 1738; январь — июнь. Юрьев: Тип. К. Матисена, 1905.

Есипов 1861 — *Есипов Г. В.* Приложения к статье «Ссылка князя Меншикова» [Отечественные записки. 1861. № 1] // Отечественные записки. Т. 135. [№ 3]. 1861. Паг. разд.

Книга 1878 — Книга записная имянным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732–1742 / С предисл. А. Кудрявцева. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1878.

Корсаков 1880 — *Корсаков Д. А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны: Исторический этюд. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1880.

Ливен 1902 — [Ливен Г. Э.] Путеводитель по кабинету Петра Великого и Галерее драгоценностей. 2-е изд. СПб.: Тип. А. Бенке, 1902.

Ломоносов 1954 — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 5: Труды по минералогии, металлургии и горному делу. 1741–1763. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954.

Материалы 1885–1900 — Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885–1900.

Опись 1901 — Опись имущества, оставшегося по смерти царевны Натальи Алексеевны // Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в цар-

- ствование Петра Великого, изданные Императорскою академиею наук. Т. 6: Год 1716-й. Кн. 1 (январь — июль) / Под ред. Н. Ф. Дубровина. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1901. С. 534—558.
- Пекарский 1862 — Науки и литература в России при Петре Великом. Введение в историю Просвещения в России XVIII столетия / Исслед. П. Пекарского. Т. 1. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная Польза», 1862.
- Письма 1862 — Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 4: Переписка герцогини курляндской Анны Ивановны. М.: Тип. С. Орлова, 1862.
- Письма 1964 — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11. Вып. 2 (июль — декабрь 1711 года) / [Ред. кол.: Б. Б. Кафергауз и др.]. М.: Наука, 1964.
- Письма 1992 — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13. Вып. 1 (январь — июнь 1713) / Отв. ред. А. А. Преображенский. М.: Наука, 1992.
- Позье 1870 — [Позье И.] Записки придворного брильянтика Позье о пребывании его в России с 1729 по 1764 г. (Перевод с франц. неизданной рукописи) // Русская старина. Т. 1. [Вып. 1]. 1870. С. 41—127.
- Рихман 1739 — Р. [Рихман Г. В.] О янтаре // Примечания к Ведомостям. 1739. Ч. 38—41. С. 149—164.
- Савваитов 1865 — Савваитов П. И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей Архива Московской Оружейной палаты: С объяснительным указателем. СПб.: В Тип. Имп. Акад. наук, 1865.
- Сборник выписок 1872 — Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М.: Университет. тип., 1872.
- Семевский 1990 — Семевский М. И. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллем Монс, 1692—1724: Очерк из русской истории XVIII в. Л.: Худ. лит., Ленинград. отд-е, 1990. (Репр. изд. 1884 г.).
- Успенский 1906 — Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов: Документы XVIII—XIX вв. бывшего Архива Оружейной Палаты / Описал А. Успенский. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1906.
- Флоренский 1923 — Флоренский П. Опись панатий Троице-Сергиевой лавры XII—XIX веков. [Сергиев]: Изд. Сергиевского Гос. Ист.-Худ. Музея, 1923.
- Alberti 1739 — Alberti M. Dissertatio inauguralis chymico-medica de succini solutione ferme radicali. Halae: Hendel, 1739.
- Ancher 1737 — Ancher P. K. Dissertatio Physico-Historica De Succino Danice Raf ... Havnia: Berling, 1737.
- Birch 1756—1757 — Birch Th. The history of the Royal Society of London for improving of natural knowledge, from its first rise ...: 4 vols. London: Printed for A. Millar, 1756—1757.
- Conspectus 1750 — Conspectus Numorum Tam Antiquorum Quam Recentiorum Omnis Metalli Atque Moduli Collectorum A Phil. Iac. Hartmanno ... [S. l.]: [n. e.], 1750.
- Czihak 1899 — Czihak E. von. Der Bernstein als Stoff für das Kunstgewerbe // Die Grenzboten: Zeitschrift für Politik, Literatur und Kunst. Bd. 58. Heft. 2. 1899. S. 179—188, 288—298.
- Gottsched 2016 — [Gottsched J. Ch.]. Johann Christoph Gottsched Briefwechsel. Historisch-kritische Ausgabe im Auftrage der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Bd. 10 / Hrsg. von D. Düring, M. Rudersdorf. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2016.
- Grey 1726 — Grey E. Choice manual, or rare and selected secrets in physick and chirurgery ... London: J. Clarke, 1726.

- Hartmann 1677 — *Hartmann Ph. J.* Hartmann, Succini Prussici physica & civilis historia cum demonstratione ex autopsia & intimiori rerum experientia deducta. Francofurti: Hallervord & Andre, 1677.
- Hartmann 1710 — *Hartmann M. Ph.* Dissertatio inauguralis medica de succino: ejusque summa in medicina efficacia. Leyden: A. Elzevier, 1710.
- Kemper 1682 — *Kemper Th.* Dissertationem Medicam De Succino ... Ienae: Literis Krebsianis, 1682.
- Kettilby 1734 — *Kettilby M. A.* collection of above three hundred receipts in cookery, physick and surgery; for the use of all good wives, tender mothers, and careful nurses ... London: M. Kettilby, 1734.
- Kircher 1678 — *Kircher A.* Romani Collegii Societatis Jesu Musæum Celeberrimum ... Amsterdam: Jansson-Waesberg, 1678.
- Köhne 1882 — *Köhne B. von.* Berlin, Moskau, St. Petersburg: 1649 bis 1763; ein Beitrag zur Geschichte der freundschaftlichen Beziehungen zwischen Brandenburg-Preussen und Russland. Berlin: Verlag des Vereins für die Geschichte Berlins, 1882.
- Lémery 1711 — *Lémery N.* New curiosities of art and nature: or a Collection of the most valuable secrets in all arts and sciences ... London: J. King & J. Morphew, 1711.
- Merchati 1719 — *Merchati M.* Metallothesa ... Romae: Apud Jo: Mariam Salvioni Typographum Vaticanum, 1719.
- Musei 1745 — *Musei Imperialis Petropolitani:* Qua continentur res naturalis ex regno minerali. Vol. 1. SPb.: Typis Academiae scientiarum Petropolitanae, 1745.
- Reimann 1714 — *Reimann Ch. F.* Dissertatio physico-experimentalis de succino electricorum principe ... Königsberg: Reusner, 1714.
- Sanden 1714 — *Sanden H.* Dissertatio Physico Experimentalis De Succino Electricorum Principe, Quam Consensu Amplissimæ Facultatis Philosophicæ. Regiomonti (Königsberg): Reusner, 1714.
- Sendel 1742 — *Sendel N.* Historia Succinorum corpora aliena involventium, et natura opere pictorum et caelatorum. Lipsiae: Io. Fridericum Gleditschium, 1742.
- Schenck 1671 — *Schenck J. Th.* Exercitationem Academicam De Succino. Ienae: Nisius, 1671.
- Terzago 1666 — *Terzago P. M.* Museo ò Galeria adunata dal sapere e dallo studio del Sig. Canonico Manfredo Settala ... Tortona: Per li Figliuoli del qd. Elifeo Viola, 1666.
- The philosophical transactions 1749 — The philosophical transactions and collections to the end of the year MDCC, abridged, and disposed under general heads. Vol. 2. 1749.
- Thilo 1663 — *Thilo I.* Dissertatio Physico-Historica De Succino Borussorum Prima Nomina, Descriptionem & materiam eius exhibens ... Lipsiae: Michaelis, 1663.
- Thilo 1668 — *Thilo G.* Exercitatio e Philosophia Naturali de Succino ... Wittebergae: Henckelius, 1668.
- Vest 1702 — *Vest J.* Dissertatio Inauguralis Medica Exhibens Succinum, physice et medice consideratum. Erfordiae: Kindlebiano, 1702.

Справочные издания

СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Т. 1—Л./СПб.: Наука, 1984—.

Сокращения

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

Литература

- Ельчанинова, Ельчанинов 2015 — *Ельчанинова О. Ю., Ельчанинов А. П.* Преемственность и новации законотворческой деятельности Анны Иоанновны // Юридические исследования. 2015. № 8. С. 112–126. <https://doi.org/10.7256/2409-7136.2015.8.15681>.
- Жаркова 2013 — *Жаркова Н. Ю.* Имущество А. Д. Меншикова по неизвестной описи 1732 года // Петровское время в лицах — 2013: К 400-летию Дома Романовых (1613–2013): Материалы науч. конф. / Науч. ред. И. В. Саверкина. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. (Тр. Гос. Эрмитажа; Т. 70). С. 162–173.
- Костюк 2017 — *Костюк О. Г.* Галерея драгоценностей: Коллекции европейского ювелирного искусства. М.: Кучково поле, 2017.
- Лифшиф и др. 2023 — Ведомости о разделении вещей их высочествам государыням цесаревнам, 1727 г. / Изд. подгот. А. Л. Лифшиц и др. М.: Науч. б-ка МГУ им. М. В. Ломоносова, 2023.
- Мельникова-Григорьева 2008 — *Мельникова-Григорьева Е.* Безделушка, или Жертвоприношение простых вещей: Философически-семиотические заметки по пустякам. М.: Нов. лит. обозрение, 2008.
- Мыльников и др. 2000 — *Мыльников А. С., Радзюн А. Б., Суслова И. В.* Ораниенбаумская кунсткамера Петра III: К проблеме реконструкции инкорпорированных музейных собраний // 285 лет Петербургской Кунсткамере: Материалы итоговой науч. конф. МАЭ РАН, посвященной 285-летию Кунсткамеры / Отв. ред. Ч. М. Таксами. СПб.: Наука, 2000. С. 35–51.
- Петрухинцев 2014 — *Петрухинцев Н. Н.* Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М.: Полит. энциклопедия, 2014.
- Тихонов 2008 — *Тихонов Ю. А.* Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства: (по новым источникам первой половины XVIII в.). М.: Кучково поле, 2008.
- Хартанович и др. 2014 — Летопись Кунсткамеры. 1714–1836 / Авт.-сост. М. Ф. Хартанович, М. В. Хартанович; Отв. ред. Н. П. Копанева, Ю. К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014.
- Черникова 2017 — *Черникова Т. В.* Царствование Анны Иоанновны — реалии и исторические мифы // Люди и тексты: Исторический альманах. Вып. 10. 2017. С. 17–217.
- Шимко 1891 — *Шимко И. И.* Новые данные к биографии кн. Антиоха Дмитриевича Кантемира и его ближайших родственников. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1891.
- Шитова 2023 — *Шитова Л. А.* Драгоценные пантеоны XVIII–XIX веков из ризницы Троице-Сергиевой лавры в собрании Сергиево-Посадского музея. М.: Сев. па-ломник, 2023.
- Netzer 1993 — *Netzer S.* Bernsteingeschenke in der preussischen Diplomatie des 17. Jahrhunderts // Jahrbuch der Berliner Museen. Bd. 35. 1993. S. 227–246.
- Pomian 1990 — *Pomian K.* Collectors and curiosities. Paris and Venice / Trans. by E. Wiles-Portier. Oxford: Polity Press, 1990.

References

- Chernikova, T. V. (2017). Tsarstvovanie Anny Ioannovny — realii i istoricheskie mify [The reign of Anna Ioannovna — realities and historical myths]. *Liudi i teksty: Istoricheskie al'manakh*, 10, 17–217. (In Russian).
- El'chaninova, O. Yu., & El'chaninov, A. P. (2015). Preemstvennost' i novatsii zakonotvorcheskoi deiatel'nosti Anny Ioannovny [Continuity and innovations of the legislative

- activity of Anna Ioannovna]. *Iuridicheskie issledovaniia*, 2015(8), 112–126. <https://doi.org/10.7256/2409-7136.2015.8.15681>. (In Russian).
- Khartanovich, M. F., et al. (Eds.) (2014). *Letopis' Kunstkamery. 1714–1836* [Chronicle of the Kunstkamera. 1714–1836]. MAE RAN. (In Russian).
- Kostiuk, O. G. (2017). *Galereia dragotsennostei: Kollektzii evropeiskogo iuvelirnogo iskusstva* [The gallery of jewels: Collections of European jewellery art]. Kuchkovo pole. (In Russian).
- Lifshits, A. L., et al. (Eds.). (2023). *Vedomosti o razdelenii veshchei ikh vysochestvam gosudaryniam tsesarevnam, 1727 g.* [Statements on the division of things to their Highnesses the Tsarevnas, 1727]. Nauch. b-ka MGU imeni M. V. Lomonosova. (In Russian).
- Mel'nikova-Grigor'eva, E. (2008). *Bezdelushka, ili Zhertvoprinoshenie prostykh veshchei: Filosoficheski-semioticheskie zametki po pustiakam* [The trinket, or the sacrifice of simple things: Philosophical and semiotic notes on trifles]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Myl'nikov, A. S., Radziun, A. B., & Suslova, I. V. (2000). Oranienbaumskaia kunstkamera Petra III: K probleme rekonstruktsii inkorporirovannykh muzeinykh sobranii [Kunstkamera of Peter III in Oranienbaum: On the Problem of Reconstruction of Incorporated Museum Collections]. In Ch. M. Taksami (Ed.). *285 let Peterburgskoi Kunstkamere: Materialy itogovoi nauchnoi konferentsii MAE RAN, posviashchennoi 285-letiiu Kunstkamery* (pp. 35–51). Nauka. (In Russian).
- Netzer, S. (1993). Bernsteingeschenke in der preussischen Diplomatie des 17. Jahrhunderts. *Jahrbuch der Berliner Museen*, 35, 227–246.
- Petrushintsev, N. N. (2014). *Vnutrenniaia politika Anny Ioannovny (1730–1740)* [Domestic policy of Anna Ioannovna]. Politicheskaya entsiklopediia. (In Russian).
- Pomian, K. (1990). *Collectors and curiosities. Paris and Venice* (E. Wiles-Portier, Trans.). Polity Press.
- Shitova, L. A. (2023). *Dragotsennnye panagii XVIII–XIX vekov iz riznitsy Troitse-Sergievoi lavry v sobranii Sergievo-Posadskogo muzeia* [Precious panagias of the 18th–19th centuries from the sacristy of the Trinity Lavra of St. Sergius in the collection of the Sergiev Posad Museum]. Severnyi palomnik. (In Russian).
- Tikhonov, Iu. A. (2008) *Mir veshchei v moskovskikh i peterburgskikh domakh sanovnogo dvorianstva: (po novym istochnikam pervoi poloviny XVIII v.)* [The world of things in the Moscow and Saint Petersburg houses of the high-ranking nobility (according to new sources of the first half of the 18th century)]. Kuchkovo pole. (In Russian).
- Zharkova, N. Iu. (2013). Imushchestvo A. D. Menshikova po neizvestnoi opisi 1732 goda [Estate of A. D. Menshikov according to an unknown inventory of 1732]. In I. V. Saverkina (Ed.). *Petrovskoe vremia v litsakh — 2013: K 400-letiiu Doma Romanovykh (1613–2013): Materialy nauchnoi konferentsii* (pp. 162–173). Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the author

Ирина Алексеевна Полякова

кандидат философских наук
доцент, Высшая школа коммуникаций
и креативных индустрий,
Балтийский федеральный
университет им. И. Канта
Россия, 236041, Калининград,
ул. А. Невского, д. 14
✉ i-polyakova@rambler.ru

Irina Alekseevna Polyakova

Cand. Sci. (Philosophy)
Associate Professor, The Higher School
of Communication and Creative
Industries, Immanuel Kant Baltic
Federal University
Russia, 236041, Kaliningrad, Alexander
Nevsky Str., 14
✉ i-polyakova@rambler.ru